

УДК 821.161.1-93
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-128-135>

Коммуникативные неудачи и способы их преодоления в «подростковых» повестях Аси Петровой

Нина Владимировна Барковская

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, n_barkovskaya@list.ru

Аннотация

Ася Петрова – современная петербургская писательница, активно работающая в жанре «школьной» повести. В повестях Аси Петровой рассматривается важный вопрос: почему коммуникация подростка со сверстниками или взрослыми бывает невозможной или неудачной? Связанный с этим вопрос: должен ли подросток различать «свой» круг семьи/друзей и «широкий» социальный круг общения и в соответствии с этим выбирать линию речевого поведения? Выбор в качестве материала для анализа произведений Аси Петровой обусловлен тем, что в большинстве случаев писательница находит для своих героев возможность позитивного разрешения конфликтов, финалы ее произведений разомкнуты в будущее. Особое внимание уделено повести «Кто что скажет – все равно», поскольку это произведение может быть рекомендовано учителю для совместного обсуждения с учащимися 6-го или 7-го класса. Целью данной статьи является выявление способов решения коммуникативных неудач героев, предлагаемых Асей Петровой. Экзистенциальные проблемы героев (желание «просто сказать» и ощущение невозможности этого действия) реализуются в однотипной ситуации разговора. Эти ситуации отмечают этапы развития сюжета. Методологическая основа исследования включает, помимо уже ставшего традиционным системно-структурного представления о художественном мире произведения и сюжета как части хронотопа, теорию субъектной организации повествования. С опорой на концепцию диалогического слова М. М. Бахтина анализируются приемы организации речевого уровня; при исследовании ошибок и неудач диалогов привлекается теория дискурсных формаций В. И. Тюпы. Учитываются особенности жанра «школьной» повести. В результате рассмотрены пять повестей Аси Петровой, предлагающих несколько возможных вариантов налаживания коммуникативных контактов подростка с окружающими его людьми. Общий инвариант – преодоление героем замкнутости на самом себе, возникновение стремления помочь другим людям. Кроме того, автор декларирует независимость личного высказывания ребенка, не подчиняющегося двойным коммуникативным стандартам. В выводах указывается на существенность такого течения в современной подростковой литературе, которое удачно совмещает психологизм в раскрытии образов героев и игровые стратегии автора. Практическая значимость видится в привлечении внимания к активно пишущему современному автору, пока еще находящемуся вне зоны внимания исследователей детской и подростковой литературы.

Ключевые слова: современная детская литература, детские писательницы, литературное творчество, литературные жанры, школьные повести, коммуникативные неудачи, подростки, подростковые конфликты

Для цитирования: Барковская Н. В. Коммуникативные неудачи и способы их преодоления в «подростковых» повестях Аси Петровой // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 3 (227). С. 128–135. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-128-135>

Communication failures and ways to overcome it in the “teenage” stories by Asya Petrova

Nina V. Barkovskaya

Urals State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russian Federation, n_barkovskaya@list.ru

Abstract

Asya Petrova is a modern St. Petersburg writer who is actively working in the genre of “school” story. Asya Petrova’s stories address an important question: why is it impossible or unsuccessful for a teenager to communicate with peers or adults? A related question: should a teenager distinguish between “own” circle of family / friends and a “wide” social circle of communication and, in accordance with this, choose a type of speech behavior? The choice of Asya Petrova’s works as a material for analysis is due to the fact that in most cases the writer finds for her characters the possibility of a positive resolution of conflicts; the finals of works are open to the future. Particular attention is paid to the story «Who says what – it doesn’t matter», since this work can be recommended to the teacher for a joint discussion with pupils in

grades 6 or 7. The purpose of this article is to identify ways to solve the communicative failures of the heroes offered by Asya Petrova. The existential problems of the characters (the desire to “just say” and the feeling of the impossibility of this action) are realized in the same type of conversation situation. These situations mark the stages of plot development. The methodological basis of the study includes, in addition to the traditional system-structural concept of the artistic world of the work and the plot as part of the chronotope, the theory of the subjective organization of the narrative. Based on the concept of the dialogic word M.M. Bakhtin, methods of organizing the speech level are analyzed; in the study of errors and failures of dialogues, the theory of discourse formations of V.I. Tyupa is involved. The features of the genre of “school” story are taken into account. As a result, five stories by Asya Petrova are considered, offering several possible options for establishing communicative contacts between a teenager and people around him. The general invariant is the hero’s overcoming of isolation on himself, the emergence of a desire to help other people. In addition, the author declares the independence of the child’s personal statement, not subject to double communicative standards. The conclusions point to the significance of such a trend in modern teenage literature, which successfully combines psychologism in revealing the characters’ images and the author’s game strategies. The practical significance is seen in drawing attention to an actively writing modern author, who is still outside the attention of researchers in children’s and adolescent literature.

Keywords: modern children’s literature, children’s writers, literary creativity, literary genres, school stories, communication failures, adolescents, adolescent conflicts

For citation: Barkovskaya N. V. Communication failures and ways to overcome it in the “teenage” stories by Asya Petrova [Kommunikativnye neudachi i sposoby ikh preodoleniya v «podrozkovykh» povestiyakh Asi Petrovoy]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 3 (227), pp. 128–135 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-128-135>

Введение

Большинство повестей Аси Петровой¹ можно отнести к жанру «подростковой» или «школьной» повести. Герой (а чаще – героиня) переживает проблемы и конфликты, свойственные этому возрасту. Конфликты проявляются не только в девиантных поступках, что бывает не так уж часто, но прежде всего через затрудненность коммуникации как с родителями или учителями, так и со сверстниками, а также и с самим собой. Почему подростку в повестях Аси Петровой так часто не удается выстроить успешную коммуникацию с другими? Внешние или внутренние причины тому виной? Есть ли, по мнению автора, способ избежать провала коммуникации и гармонизировать свои отношения с миром?

Писательница отталкивается от наблюдений над современными подростками, которым, по мнению психологов, свойственна повышенная конфликтность, нередко – безразличие и холодность к другим [1, с. 386], затрудненность общения со сверстниками [2]. Данные обстоятельства подчеркивают актуальность темы, избранной Асей Петровой: выявление причин, затрудняющих разговор с собой или с другим и поиск условий для преодоления барьера «немоты».

Материал и методы

Коммуникативные неудачи – важная составляющая конфликтов, в которые втянуты герои повес-

тей Аси Петровой. Дадим краткий обзор нескольких произведений, где наиболее явно представлены коммуникативные неудачи. Теоретическим основанием для анализа, помимо ставшего уже традиционным системно-структурного подхода, являются идеи М. М. Бахтина о диалогическом слове, высказанные прежде всего в книге «Проблемы поэтики Ф. М. Достоевского». Кроме того, учитывается концепция дискурсных формаций, предложенная В. И. Тюпой в книге «Дискурсные формации: Очерки по компаративной риторике».

Результаты и обсуждение

В повести «Чувства, у которых болят зубы» [3] повествование ведется от лица девочки. Героиня испытывает злость, неприязненное отношение к взрослому мужчине, которого она называет Черчилль и с которым проводит каникулы в Греции. Родители девочки в разводе, этот мужчина, социолог по профессии, – друг мамы и, вероятно, станет ее мужем, а теперь старается играть роль папы. Это ужасно раздражает девочку: «Он не папа, но ведет себя как папа, хочет казаться папой. Читает мне нотации и учит жить» [3, с. 46]. Она стремится вывести его из себя, однако он остается корректным: «Я хотела выяснить, до какого предела можно испытывать его терпение. Ведь он живой человек, должен же он, в конце концов, не выдержат» [3, с. 76]. Поведение девочки направлено на прерывание коммуникации.

¹ Ася Петрова – автор книг: «Девочка с флейтой» (СПб., 2010), «Волки на парашютах» (СПб., 2012), «Чувства, у которых болят зубы» (М., 2013), «Кто не умер – танцуйте диско!» (М., 2014), «Короли мира» (М., 2015), «Взрослые молчат» (2015) и др.; лауреат премии «Книгуру» (2011) и премии им. С. Маршака в номинации «Дебют» (2015), финалист конкурса «Новая детская книга». Переводчица модернистской французской литературы. Живет в Санкт-Петербурге.

Далее в сюжете разыгрывается своя интрига. После знакомства с другим семейством, в котором свои серьезные проблемы, речь девочки меняется. Теперь ее речевая зона, складывающаяся из прямых слов и форм косвенной передачи речи, начинает перемежаться с речевыми зонами других героев, причем мысли и чувства других «я» и соответствующие фрагменты текста не оформлены знаками препинания, не разделены графически, не «приписаны» тому или иному персонажу. Читатель должен проникнуться проблемами каждого из участников сюжета, чтобы разобраться, с чьим сознанием он встречается в том или ином отрезке текста. Получается своеобразный «коллективный» поток сознания или неоформленный графически полилог сознаний. Так уже форма субъектной организации повествования показывает, что герои совместно проживают события, что создает основу для взаимопонимания в дальнейшем.

Девочка пытается посмотреть на себя со стороны: «Поначалу все от меня, как правило, в восторге. Сложности начинаются позднее. Вдруг оказывается, что я не готова пойти на компромисс ни по одному пункту. Я дружу, пока кто-то ходит за мной хвостиком и смотрит мне в рот, пока все мои интересы соблюдены. Как только требуется проявить более-менее длительное внимание к другому человеку, я выхожу из игры» [3 с. 92]. Благодаря умению посмотреть на себя со стороны, заметить свой эгоцентризм, девочка начинает более внимательно относиться к окружающим. К финалу все герои примиряются друг с другом, более того, начинают чувствовать себя близкими друзьями. Чувство взаимопонимания так велико, что даже не нужно слов: «И хотя мы были уже в будущем, я решила, что можно немного подправить свое эгоистическое прошлое, протянула руку и ухватила за пальцы Максима. – “Спасибо”, – сказал он, взглянув на меня и не проронив ни слова. – “Пожалуйста”, – ответила я, храня полное молчание» [3, с. 145].

Повесть «Последняя треть темноты» [4] показывает, что сама жизнь ставит ребенка в трудные ситуации, окружающий хаотичный мир мешает налаживанию контактов, препятствует обретению собственного «я» и четкому восприятию действительности. Саша, центральный персонаж повести, находится в сложной психологической ситуации. Начинается повесть с неудавшегося сеанса у психотерапевта, который бесил девочку своим профессиональным спокойствием и эмпатией, блокируя ее желание высказаться: «Саша хотела просто сказать. Сказать – просто. Сказать» [4, с. 5]. При этом Саша абсолютно сосредоточена на себе, вообще никогда не думала, как живут другие люди, какие существуют проблемы в обществе: «Мира вокруг словно не существовало. И мама, и папа, и

Саша – каждый жил внутри своей коробки...» [4, с. 66]. Кажется, героине этой повести так и не удалось окончательно социализироваться, хотя некоторые дружеские отношения у нее все-таки появились. Читателю остается только надеяться, что «последняя треть темноты» все-таки сменится рассветом.

Повести «Скажи “люблю”, а то хуже будет» [5] и «Лучшая» [6] развивают более традиционные для «девической» повести сюжеты.

В первой из названных повестей рисуется вполне благополучный мир: петербургская французская гимназия, музыкальная школа. В самом начале выпускного класса Маша вдруг влюбляется в парня из музыкальной школы, которого называет Бэтменом. Они давно знакомы, но вдруг «со стопицотмиллионного взгляда» в девушке проснулись совсем другие чувства – «бабочки в животе». Маша ломает стереотипы, прямо признается другу в любви, тот не спешит с ответным признанием. Они продолжают встречаться («кофе, мороженое, разговор» [5, с. 9]), но Маша чувствует, что на Бэтмене словно защитная маска надета, видимо, внутренне он не вполне ощущает себя тем суперменом, каким кажется окружающим. Только в конце учебного года к Маше пришло освобождение от навязчивого чувства. Шагая в одиночестве по городу, Маша думает: «Нельзя принять решение не чувствовать боли. Не чувствовать любви. Нельзя сбежать. Надо прожить всем сердцем, не сломаться и с благодарностью пойти вперед...» [5, с. 172–173]. Последняя глава так и называется – «Вся жизнь впереди». Таким образом, тяжелая для девушки ситуация (полная психологическая подчиненность объекту своей любви) не решается в данном случае словами, а требует внутреннего преодоления, борьбы в собственной душе и принятия того факта, что не всегда твое чувство находит отклик в другом человеке.

Ситуация в повести «Лучшая» отчасти напоминает коллизию предыдущего произведения. У Саши благополучная семья, она учится в одной из лучших гимназий и в прекрасной музыкальной школе. Однако тут обнаруживаются свои подводные камни, например: «Вообще мама была такой идеальной, что меня это даже напрягало» [6, с. 11]. Кроме того, у девочки сформирована установка на то, чтобы быть первой во всем, любой ценой добиваться успеха, даже если для этого приходится играть на рояле по 12 часов. Мама объясняет Саше: «Исполнительство – ремесло! А не творчество» [6, с. 46]. У Саши, наоборот, техники маловато (предыдущая учительница и мама никогда ее не хвалили), зато есть «музыкальность», умение чувствовать музыку. Девочку преследуют неудачи, что отражено в однотипном названии глав: «Музыкально, но...», «Патетично, но...», «Патриотично,

но...», «Банально, но...», и только последняя, тринадцатая главка, называется без «но»: «Лучшая». Пройдя через мучительные поиски себя, Саша нашла свое призвание – музыкальный театр: на сцене, во время пения, она полностью раскрепощается, она артистична, у нее широкий диапазон голоса, в общем, все данные музыкальной артистки. И стихи, которые она пишет – странные, но красивые верлибры – только помогают установить гармонию с собой и окружающими.

Однако у героини этой повести есть еще одно качество: она не боится сказать вслух то, что думает. Однажды задали написать сочинение о борьбе граждан во Франции за свои права. Подруга Женя попросила Сашу проверить ошибки, а та взяла и переписала сочинение полностью. Пока Саша читала сочинение подруги, ей даже слышался голос учительницы – Женя написала так, как хотела учительница (имитируя, по Бахтину, «чужое слово») [7, с. 215]. Внутренне протестуя против диктата учительницы, Саша написала, что французы ленивые, привыкли, что все им сходит с рук, что бюрократия у них хуже, чем у нас, городской транспорт вечно ломается, и люди опаздывают на работу... Женя, не посмотрев, сдала тетрадь на проверку и получила нагоняй от учительницы, но при этом не выдала подругу. И на уроке Саша сделала нечто, совершенно неожиданное для самой себя: она вскочила на стол в классе и громко крикнула, что это сочинение за Женю написала именно она: «Это мои мысли! У меня есть мысли! Эти мысли нельзя перечеркнуть! За эти мысли нельзя поставить оценку на балл ниже! Я виновата перед Женей <...> Я никому не буду подчинять мои мысли» [6, с. 62–63]. Суть независимого характера героини, желание оставаться самой собой – хоть в общении, хоть в игре на рояле или на сцене – проявилась в этом эпизоде очень ярко.

Итак, в повести *«Чувства, у которых болят зубы»* героиня отучалась раскрываться полностью перед людьми, избегала прямых откровений, поскольку, как ей казалось, разговоры ничего не меняют, но в итоге все же преодолела свой эгоцентризм, что стало залогом успешной коммуникации. Героиня второй книги (*«Последняя треть темноты»*) чувствует потребность высказаться и ощущает мучительную невозможность «сказать, просто сказать». В повести *«Скажи „люблю“*, а то хуже будет» показано, что слова, как и молчание, не способны заставить другого человека полюбить тебя, в жизни бывают трудные ситуации, которые надо пережить и идти дальше. Наконец, героиня повести *«Лучшая»* стремится быть самой собой, высказывать без страха свои мысли и чувства, не боясь наказания или порицания. Отметим также, что ни в одном из затронутых произведений нет фигуры

«значимого взрослого», если использовать выражение В. Н. Горенинцевой и А. Н. Губайдуллиной [8], девочки должны найти внутренние ресурсы в самих себе.

Не столь пафосно, более юмористично, проблема коммуникативной неудачи реализуется через историю семиклассника Вити, героя повести *«Кто что скажет – все равно»* [9]. Эта повесть более других укладывается в жанр «школьной повести».

М. А. Черняк пишет о модели этого жанра: «Все строится вокруг школьной жизни: школа является и местом действия, и важнейшим этапом в жизни героя, проходя через который, он взрослеет. Момент взросления, переход из состояния неведения, наивности, неспособности, неправоты, незнания, непонимания к состоянию ответа на все вопросы, приобретению опыта или жизненного урока ... заложен в семантике жанра школьной повести» [10, с. 255]. Исследователи отмечают активизацию жанра школьной повести с начала XXI в., причем в поле зрения критиков попадают в первую очередь произведения с острой социальной составляющей [11].

Своеобразие произведений Аси Петровой в том, что ее героями являются нормальные дети из вполне обеспеченных семей, с любящими родителями, делающими все возможное для своего ребенка. Ослабление социального пафоса переносит центр тяжести на процесс формирования субъектности ребенка. Екатерина Асонова и Ольга Бухина пишут о книгах, в которых выражены идеи «нового родительства»: «Основой новой дидактики в этих произведениях стали безусловное уважение к личности ребенка, ценность эмоциональной близости и взаимопонимания между ребенком и взрослым, легитимизация конфликтов, негативных эмоций, ошибок и проступков, идеи социальной инклюзии» [12, с. 126]. Однако, как пишет М. А. Черняк, школа – «больной вопрос для всего общества, центр притяжения сил и эмоций, она как особый социальный феномен объединяет и разъединяет общество одновременно» [10, с. 251]. В частности, исследовательница отмечает феномен «двойной морали», когда ребенок отлично понимает, что определенные нормы действуют в школе, а вот в узком кругу семьи или друзей могут быть совсем другие принципы общения и другие слова. В какой-то степени здесь можно усмотреть наследие советского «двоемыслия». Само название повести – *«Кто что скажет – все равно»* – декларирует независимость личного высказывания ребенка, не подчиняющегося двойным коммуникативным стандартам.

Как соотносятся эти два мира, близкий и широкий? Должен ли ребенок различать, где и что можно или нельзя говорить? Этот вопрос становится центральным в книге Аси Петровой *«Кто что скажет – все равно»*.

Сквозная коллизия всех главок-эпизодов книги – желание Вити понравиться учительнице литературы Марине Станиславовне. Он чувствует, что не нравится ей и пытается преодолеть антипатию, доказать, что он хороший. Особенно его расстраивает то, что вообще-то Марина Станиславовна – отличная учительница: «С другими она была очень милой, веселой, хотя иногда и строгой» [9, с. 4]. И мама, и лучший друг Паша советуют Вите смириться с фактом нелюбви, тем более что на оценках Вити это никак не отражается. Но Вите важно быть любимым ВСЕМИ, с кем он соприкасается в жизни. Еще в книге «Волки на парашютах» маленький Витя рассуждал, почему ему важны нормальные отношения с учительницей: ведь она часть его жизни, он видит ее ежедневно [13, с. 33].

Учительница никогда не хвалит Витю. «Если я нормально готовился к уроку, она говорила, что я не подготовился. Если я отлично готовился, она говорила, что сочинение за меня написали родители. Когда я обращался к ней очень вежливо, она была недовольна тем, что я подлизываюсь. Когда я обращался к ней просто вежливо, ей казалось, что я хамлю. <...> Я не мог ей угодить никогда и никак» [9, с. 4]. Витя выполнял все поручения учительницы, но она всегда была им недовольна. И это недовольство выливалось в речевой агрессии, в серии запретов и окриков:

- Опустит руку!
- Перестать молчать!
- Перестань тараторить!
- Перестань!
- Прекрати!
- Не надо!» [9, с. 5].

Общения не получалось, потому что Марина Станиславовна реализует нормативно-риторический дискурс власти [14, с. 106–107], а он принципиально монологичен.

Как-то на уроке разбирали рассказ современного писателя, и учительница спросила, чем ребятам понравился этот рассказ. Витя посмел сказать, что рассказ ему не понравился, поскольку там все банально. И получил выговор за «плохие манеры». Друг Паша объясняет реакцию учительницы: «Ты посмел с ней не согласиться. <...> Ей нравится только то, что она понимает, и только то, с чем она согласна» [9, с. 42].

Витя даже подумал, что ведь учительница ему тоже не нравится, и в этом нет ничего особенного. Человек не виноват, что кому-то он не нравится. Антипатию можно скрывать, а можно показывать. Марина Станиславовна нелюбовь не скрывала. Как-то Витя стоял позади Марины Станиславовны в очереди к автомату за кофе и решил все-таки завязать разговор, и разговор получился, и даже учительница похвалила его сочинение. И тут мальчик

закричал: «Ура!», но как раз в то время, когда учительница купила свой кофе и сказала, что покидает его. Получилось, что он радовался тому, что она уходит. От попытки извиниться стало еще хуже. Витя чувствует, что получилось бестактно и бестолково.

Антипатия к учительнице начала понемногу сглаживаться, когда в нескольких ситуациях Марина Станиславовна вдруг вместо роли непререкаемого авторитета, стоящего НАД учениками, оказывалась просто обычным человеком, таким, как все. Например, однажды утром она была плохо выспавшейся, забыла дома учебник, а при выполнении упражнения допустила ошибку. В другой раз, чтобы заставить учеников убрать с парт телефоны, она приобрела новый прекрасный айфон (до этого у нее был старый кнопочный) и даже завела страничку в соцсетях. Там были ее фотографии студенческой поры, просто домашние снимки, и Вите это так понравилось, что он поставил лайк под одной из фотографий. Учительница не отреагировала, хотя только один Витя и «лайкнул», но потом она поздравила Витю с днем рождения – то есть она смотрела его страничку в Сети! Так постепенно налаживаются отношения.

Забавно выглядит ситуация-«перевертыш» в главке «Учительница и я» [9, с. 16–18]. Сначала Витя в разговоре с другом Пашей критикует внешний вид Марины Станиславовны: у нее хорошие волосы, но дурацкая прическа, у нее хорошая рубашка, даже рукава стильно закатаны, но совершенно «бабская» юбка и «отстойные» туфли с «отстойными» бантиками. Хотя, говорит Витя, у нее есть потенциал, могла бы быть веселой и крутой, просто она к себе плохо относится, «она настоящий букет комплексов». На следующее утро Витя, как обычно, немного опоздал на урок, и Марина Станиславовна буквально теми же словами отругала его, дескать, есть потенциал, но он плохо к себе относится, настоящий букет комплексов: брюки отглажены, отличные ботинки, даже шнурки прелесть, волосы хорошие, но взлохмачены, у рубашки мятый воротник, на пиджаке дырка. Ситуация зеркально перевернута, но по сути – та же самая, т. е. они и думают одними словами, вполне могли бы отлично друг друга понимать.

Успешность диалога зависит, разумеется, от желаний и намерений двух субъектов. В том, что общение не складывается, виновата не только учительница, занимающая по отношению к ученику авторитарную позицию, но и сам Витя. Он не всегда тактичен, он не владеет этикетными нормами. Об этом – главка «Плохой вопрос» [9, с. 34–36]. На уроке разбирали текст для изложения про День матери. И вдруг Витя спросил Марину Станиславовну, есть ли у нее дети. Учительница очень расстро-

илась, сказал «нет» и вышла на несколько минут из класса. Дома мама объяснила Вите, что это, с его стороны, был плохой вопрос, причинивший боль человеку. А дальше Витя вспомнил, что Паши не было в школе, потому что его родители опять очень поругались и собираются разводиться. И Витя не стал звонить Паше, решив, что своими вопросами он только сделает хуже. В результате Паша обиделся: ему было плохо, а друг даже не позвонил, не поинтересовался. Эта ситуация показывает подростку, что важно учитывать, с кем ты говоришь, кому что можно говорить, а что лучше не говорить.

Означает ли это, что ребенок должен подлаживаться под других, ориентироваться на то, что прилично, а что неприлично? Однажды директриса потребовала убрать из туалета девочек коробку с чистыми прокладками, потому что «нечего выставлять на всеобщее обозрение всякий срам» [9, с. 42–43]. И тогда Витя залез в рекреации на подоконник и заорал: «Я требую вернуть прокладки!». Все смеялись и тоже орали, особенно мальчишки. Таким образом, Витя против ханжества взрослых и квалификации телесных потребностей как неприличных.

Двойственная ситуация разворачивается в смешном рассказе «Мама и манекен». Витя с мамой ходили в магазин покупать шорты и купальные принадлежности для поездки на море. В магазине было много пестрого и блестящего, интересное освещение, черные манекены. Витя попросил маму, которая как раз очень ярко оделась, встать рядом с манекеном, чтобы ее сфотографировать. У мамы было хорошее настроение, она согласилась. А Витя попросил ее приобнять манекен и положить руку манекену на грудь. Мама засмеялась и встала, как просил Витя. А мальчик потом выложил фотографию в Сети с подписью «Мама пристает к манекену». Разумеется, на следующий день весь класс смеялся и обсуждал фотографию, а Марина Станиславовна позвонила маме. Мама накричала на Витю, сказала, что он все-таки ненормальный, потребовала немедленно убрать фотографию, потому что опять-таки это были их личные дела, не предназначенные для всеобщего обозрения. Витя сказал, что у людей просто нет чувства юмора. Опять ситуация получилась неоднозначная. Так Витя осваивает границу между своим, семейным, интимным кругом и публичной территорией, где есть свои этикетные нормы.

Можно ли сказать, что ребенок исподволь усваивает двойные стандарты поведения и высказывания? Думается, что нет. Витя вовсе не боится наказания. Так, например, он считает недопустимым обсуждать (критиковать, унижать) кого бы то ни было за глаза. Об этом – глава «Неприятный человек». У Паши появились новые друзья, они Вите

не нравились, но все же он решил пойти в гости к одному из новых товарищей Паши. Мальчики наперебой ругали и Марину Станиславовну, и других ребят, требовали, чтобы и Витя согласился с тем, что один одноклассник – дурак, а другой – идиот. Витя чувствовал, что если не поддержит остальных, сам будет выглядеть как идиот. И все же он нашел в себе силы отказаться и просто уйти, пусть он и будет для этой компании «неприятным человеком».

Повествование ведется от лица Вити, поэтому авторская оценка выражена косвенно, через юмор, которым сопровождаются конфузные ситуации, в которые попадает мальчик. Кроме того, важна логика расположения главок-эпизодов. Начинается повесть с настойчивого повторения слов Вити о том, что Марине Станиславовне он не нравится. Предпоследняя глава называется «Секунда». У Марины Станиславовны умер отец, и она несколько дней не приходила в школу. Витя представил, каково это, когда умирает близкий человек, к тому же он знал, что больше у Марины Станиславовны никого нет. Он очень переживал за нее, перед бедой отступили личные мелкие обиды. И когда учительница снова пришла в школу, он просто обнял ее за шею, на секунду повис, как маленький, сказал, что ужасно рад ее видеть, потом отпустил, сказал: «Извините». «А она улыбнулась так светло, словно мы были настоящими друзьями, которые даже обнимаются» [9, с. 75].

Завершает книгу глава «Моя тетя – министр. История из моего детства». Там сначала сообщается, что у них маленькая семья: папа, мама и он. А папа не хочет общаться со своей старшей сестрой (которая заместитель министра), потому что он якобы не любит людей. И Витя думает, что когда он вырастет, тоже не будет любить людей. А потом все-таки отношения налаживаются, и мальчик радуется, как их много: тетя, ее муж, их сын и его жена, внук тети. Мальчик в восторге: «Оказалось, что мой папа на самом деле любит людей, и я, когда вырасту, не стану злым и одиноким, как Доктор Хаус» [9, с. 78].

Таким образом, книга исподволь убеждает читателя, что собственная субъектность подростка формируется только через выстраивание отношений с другими людьми, умение вести с ними диалог. Да, Витя по-прежнему много рефлексировал над своими чувствами, но все его переживания касаются именно отношений с другими. Коммуникативные неудачи чаще всего возникают из-за бестактности, неумения пользоваться этикетными правилами в речи. Если в первой половине книги Витя очень хвалит себя (он прекрасно учится, он лучше всех читает стихи и пишет сочинения, он смелый...), то ближе к концу повести он больше думает о других, чем о себе. И еще он понимает,

что не надо бояться слов, которые тебе говорят и которые ты говоришь, но главное – быть всегда искренним. Думается, что именно такой смысл заложен в название книги – «Кто что скажет – все равно». Конечно, не все равно, важно слушать и слышать других, но не попадать в зависимость от чужого мнения.

Повесть «Кто что скажет – все равно» небольшая по объему, написана с юмором и вполне подходит для обсуждения с учащимися 6-го или 7-го класса в рамках урока по развитию речи или тематического классного часа, посвященного культуре общения.

Заключение

Повести Аси Петровой заостряют проблему коммуникативной стратегии подростка. Самоанализ героя неотделим от выстраивания диалога-взаимопонимания со сверстниками и авторитетными взрослыми. В коммуникативных неудачах вина лишь отчасти лежит на авторитарной позиции родителей или учителя. Поиск нужного слова связан с преодолением подростковой эгоцентрической замкнутости, приобретением умения сочувствовать другим людям и не падать духом в трудных ситуациях. На уровне поэтики эта идея

реализуется через обилие прямых и скрытых диалогов. Традиционная для «девической» повести форма дневника не только представляет собой форму разговора с самим собой, но и широко включает передачу разговоров с другом/подругой, мамой, учителем. Герой/героиня вспоминает чужие слова, обращенные к себе, размышляет над причинами недопонимания, воспринимает сказанное слово как поступок.

Реализуя установку на диалогизм повествования, Ася Петрова следует приемам психологизма, разработанным в классической литературе. Размышляя о героях Достоевского, М. М. Бахтин писал, что «изобразить внутреннего человека <...> можно, лишь изображая его общение с другими. Только в общении, во взаимодействии человека с человеком раскрывается и “человек в человеке”, как для других, так и для себя самого». И далее Бахтин пишет о том, что диалог не средство, а самоцель: «Быть – значит общаться диалогически» [7, с. 293–294]. И главное, как полагает Ася Петрова, не нужно подстраиваться под чужое мнение, под те слова, которые хотел бы услышать родитель или учитель, быть искренним, не боясь быть наказанным или смешным, «неприятным» в глазах окружающих.

Список источников

1. Чикова И. В., Мантрова М. С. Психологические особенности конфликтности современных подростков // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 4 (29). С. 386–389.
2. Хомич Э. П., Сухотерина Т. П. Коммуникативное начало в детской литературе // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 1 (56). С. 339–341.
3. Петрова А. Чувства, у которых болят зубы. СПб.: Премудрый сверчок, 2013. 288 с.: ил.
4. Петрова А. Последняя треть темноты. СПб.: Лимбус Пресс, 2017. 254 с.
5. Петрова А. Скажи «люблю», а то хуже будет. СПб.: Черная речка; М.: Омега-Л, 2021. 176 с.
6. Петрова А. Лучшая. СПб.: Черная речка, 1921. 159 с.
7. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М.: Сов. Россия, 1979. 320 с.
8. Горенинцева В. Н., Губайдуллина А. Н. Новая модель «значимого взрослого» во внутрисемейных отношениях (по материалам современной российской прозы для детей и подростков) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 176–187.
9. Петрова А. Кто что скажет – все равно. М.: Росмэн, 2020. 80 с. ил.
10. Черняк М. А. Проза цифровой эпохи: тенденции, жанры, имена: учеб. пособие. М.: Флинта, 2018. 328 с.
11. Черняк М. А. Отечественная проза XXI века: предварительные итоги первого десятилетия: учеб. пособие. СПб.; М.: Сага: Форум, 2009. 176 с.
12. Асонова Е. А., Бухина О. Б. Феминизм в современной русской детской литературе, или Как перевести на английский слово «авторка» // Уральский филол. вестник. 2022. № 3. Серия «Русская литература XX–XXI веков: направления и течения». С. 123–139.
13. Петрова А. Волки на парашютах. М.: Росмэн, 2020. 112 с.
14. Тюпа В. И. Дискурсные формации: Очерки по компаративной риторике. М.: Языки славянской культуры, 2010. 320 с.

References

1. Chikova I. V., Mantrova M. S. Psikhologicheskiye osobennosti konfliktnosti sovremennykh podrostkov [Psychological features of the conflict of modern adolescents]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya*, 2019, vol. 8, no. 4 (29), pp. 386–389 (in Russian).
2. Khomich E. P., Sukhoterina T. P. Kommunikativnoye nachalo v detskoj literature [Communicative beginning in children's literature]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The world of science, culture and education*, 2016, no. 1 (56), pp. 339–341 (in Russian).

3. Petrova A. *Chuvstva, u kotorykh bolyat zuby* [Feelings that have toothache]. Saint Petersburg, Premudryy sverchok Publ., 2013. 288 p. (in Russian).
4. Petrova A. *Poslednyaya tret' temnoty* [Last third of darkness]. Saint Petersburg, Limbus Press, 2017. 254 p. (in Russian).
5. Petrova A. *Skazhi «lyublyu», a to khuzhe budet* [Say “I love you”, otherwise it will be worse]. Saint Petersburg, Chernaya rechka Publ.; Moscow, Omega-L Publ., 2021. 176 p. (in Russian).
6. Petrova A. *Luchshaya* [The best]. Saint Petersburg, Chernaya rechka Publ., 1921. 159 p. (in Russian).
7. Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1979. 320 p. (in Russian).
8. Gorenintseva V. N., Gubaydullina A. N. Novaya model' “znachimogo vzroslogo” vo vnutrisemeynykh otnosheniyakh (po materialam sovremennoy rossiyskoy prozy dlya detey i podrostkov) [A New Model of a “Significant Adult” in Family Relations (Based on Modern Russian Prose for Children and Adolescents)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2017, no. 50, pp. 176–187 (in Russian).
9. Petrova A. *Kto chto skazhet – vse ravno* [Who says what – it doesn't matter]. Moscow, Rosmen Publ., 2020. 80 p. (in Russian).
10. Chernyak M. A. *Proza tsifrovoy epokhi: tendentsii, zhanry, imena: uchebnoye posobiye* [Proza tsifrovoy epokhi: tendentsii, zhanry, imena: textbook]. Moscow, Flinta Publ., 2018. 328 p. (in Russian).
11. Chernyak M. A. *Otechestvennaya proza XXI veka: predvaritel'nye itogi pervogo desyatiletiya: uchebnoye posobiye* [Domestic Prose of the 21st Century: Preliminary Results of the First Decade: textbook]. Saint Petersburg, Moscow, Saga: Forum Publ., 2009. 176 p. (in Russian).
12. Asonova E. A., Buhina O. B. Feminizm v sovremennoy russkoy detskoj literature, ili Kak perevesti na angliyskiy slovo «avtorka» [Feminism in modern Russian children's literature, or how to translate the word “she-author” into English]. *Ural'skiy filologicheskiy vestnik. Seriya “Russkaya literatura XX–XXI vekov: napravleniya i techeniya”*, 2022, no. 3, pp. 123–139 (in Russian).
13. Petrova A. *Volki na parashyutakh* [Wolves on parachutes]. Moscow, Rosmen Publ., 2020. 112 p. (in Russian).
14. Tyupa V. I. *Diskursnye formatsii: Ocherki po komparativnoy ritorike* [Discourse Formations: Essays on Comparative Rhetoric.]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2010. 320 p. (in Russian).

Информация об авторе

Барковская Н. В., доктор филологических наук, профессор, Уральский государственный педагогический университет (пр. Космонавтов, 26, Екатеринбург, Россия, 620091).

Information about the author

Barkovskaya N. V., Doctor of Sciences in Philology, Professor, Urals State Pedagogical University (pr. Kosmonavtov, 26, Yekaterinburg, Russian Federation, 620091).

Статья поступила в редакцию 10.01.2023; принята к публикации 17.03.2023

The article was submitted 10.01.2023; accepted for publication 17.03.2023